

Роман, бьющий наповал, словно меткая пуля.

«Booklist»

6

5

ДОЛГИЙ ПУТЬ ВНИЗ

3

ДЖЕЙСОН
РЕЙНОЛЬДС

2

1

**MUST
READ**
ПРОЧЕТА ВСЕМ

Джейсон Рейнольдс

Долгий путь вниз

Серия «MustRead – Прочесть всем!»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51700739
Долгий путь вниз: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-113526-3

Аннотация

Брат Уилла погиб в перестрелке между уличными бандами, и парнишке прекрасно известно, что делать дальше – следовать Правилам:

Не плакать.

Не доносить.

И всегда отомстить.

Все, что осталось, это войти в лифт, спуститься и расправиться с убийцей.

Но... двери лифта снова и снова открываются. И на каждом этаже в кабину входят люди, которых Уилл отлично знал и... которые давно уже мертвы.

Отец. Дядя. Лучший друг. Его первая любовь. Призраки прошлого. Призраки улиц. Призраки Уилла. Каждый из них готов рассказать свою историю и помочь Уиллу сделать правильный выбор.

В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Джейсон Рейнольдс

Долгий путь вниз

Jason Reynolds
LONG WAY DOWN

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Pippin Properties, Inc. (Rights People, London) и The Van Lear Agency.

© Jason Reynolds, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

*Посвящается всем юным братьям и сестрам,
содержащимся в местах предварительного
заключения по всей стране, тем, кого я видел и кого
нет.*

Я вас люблю.

Никто

– не верьте сегодня

вообще ничему,

поэтому я и молчал до сих пор
и только сегодня решил рассказать
о том, что случилось со мной.

Но штука вся в том,
вы тоже сочтете,
как будто я спятил,
но это не так,

и все это – правда.

И все это было
реально со мной.

Да.

На *самом* деле.

Меня зовут

Уилл.

Уильям.

Уильям Холломан.

Вот только друзья
и все,
кто знает меня,
зовут меня

просто Уилл.

И вас я прошу называть меня Уилл,
ведь после того,
что я вам расскажу,

все вы согласитесь
стать другом моим,
а может,
и нет.

Но так иль иначе,
знакомьтесь со мной,
узнайте меня.

Я просто Уильям

для мамы своей
и брата по имени Шон,
когда он пытался
меня рассмешить.

Теперь
я очень жалею,
что мало смеялся
над глупыми шутками Шона,

да все потому,
что позавчера
его застрелили

насмерть.

Я не знаю вас,

я не знаю
ничего про вас,
есть ли у вас
братья
или сестры,
или мамы,
или папы,
или даже двоюродные,
но они для вас
как родные,
или тети,
или дяди,

но они для вас
как мамы
и папы,

но если кровь,
что течет в ваших жилах,
течет и внутри кого-то еще,
вам не захочется
увидеть ее
снаружи.

Грусть

очень трудно
объяснить.

Представь –
ты проснулся,
а рядом чужак,

связал тебя крепко,
щипцы сунул в рот,
хватая твой зуб,

тот коренной,
здоровенный,

тот, важный и нужный,

и вырвал его.

Представь, как в висках
стучит кровь
и давит на мозг,
и шумом в ушах
льется наружу.

Но самое худшее,
самая жесьь,

это твой же язык,
что лезет и лезет
в пустую дыру,

туда,

где когда-то был зуб,

но теперь его нет.

Так трудно сказать:

Умер

Шон.
Умер
Шон.
Умер
Шон.

Как странно и грустно звучит.
Как сон.

Но, наверное,
не удивительно,
и от этого
становится
еще грустней

и еще хуже.

Позавчера

я и мой друг Тони
болтали, шатаясь без дела,
мечтая, что вырастем скоро,
ведь нам только лишь по пятнадцать.

Когда Шону было пятнадцать,
он вырос на фут или больше

и сразу отдал мне прикиды,
в которые сам не влезал.

И Тони твердил мне, что точно,
он вырастет, ведь в баскетболе
считался у нас самым лучшим,
а сам коротышкой был.

И вы ж понимаете, в спорте,
рост нужен тебе для успеха,
ну, или учись ловко прыгать,
и ввысь, ну, как будто
летишь.

И тут раздались выстрелы.

Все бросились
прочь,
пригибаясь
пониже,
стараясь
спрятаться.

Короче, спасаясь,
как нас всех учили.

Молясь и надеясь,
прижавшись к асфальту,
чтоб чертовы пули
попали
не в нас.

После выстрелов

я и Тони –
мы выждали четко,
пока все утихнет,
потом понемногу
поднялись и стали
считать число трупов.

В тот день
там был лишь один.

Шон.

Я не видел никогда

землетрясения.

Я даже не знаю, на что
это похоже,
но в тот момент
земля как будто
разверзлась
и сожрала меня.

Что всегда происходит, когда рядом кого-то убивают

№ 1: Крик

Кричат не все.
Обычно только

мамочки,
подружки,
дочери.

На этот раз
кричала Летисия,

подружка Шона,
стоя на коленях

и целуя его в лоб,

когда замолкала.

Как будто надеясь
отчаянным криком
вернуть его
к жизни,

остановить его кровь.

Но, кажется мне,
она поняла,

что где-то внутри
своего горя
и отчаяния

она целовала его
на прощанье.

А мама моя

только тихо стонала:

Нет, только не он.

*Не мой мальши.
За что?!*

Она нависла
над телом братишки,
как уличный фонарь,
но только потухший.

№ 2: Сирены

Сирены, сирены завыли,
глуша, разрезая вокруг
все звуки.

Все, кроме криков.

Ведь крики всегда
звучат громче всех.

И даже сирен.

№ 3: Допросы

Легавые нас осветили,

и все мы застыли на месте.

Кто-нибудь что-нибудь видел? –

спросил молодой полицейский.
Так скромно, как будто
он спрашивал это впервые.

Ну, тут новичка сразу видно.
Он искренне ставил вопросы,
надеясь услышать ответы.

Кто-нибудь что-нибудь видел?

Я – нет, не видел, не слышал.

А это сказал наш всезнайка,
сосед по району Марк Эндрюс.

Даже этот решил – будет лучше
не знать ничего.

А вдруг ты не знаешь:

выстрелы делают каждого
глухим и слепым, и особенно,

если рядом при этом имеется

труп.

Так лучше невидимым стать
в такие лихие моменты,
и это все знают отлично.

И Тони тогда смылся прочь.

Я даже не помню,

легавые меня о чем-нибудь

спрашивали,
или же нет?

Я ничего не слышал,
только в висках стучавшую кровь,
как будто меня окунули
под воду.

И я задержал дыханье.

Может быть.
Может быть, я хотел

передать этот воздух
Шону.

Или каким-то образом
оказаться

с ним вместе.

Когда происходит что-то очень плохое,

мы смотрим наверх и видим
луну, большую и яркую,
посылающую нам свой свет.

От этого всегда становится легче.

Как будто бы кто-то там, наверху,
меня озаряет в темноте.

Но только позавчера
Шон
умер,

а луны в небе не было.

Кто-то сказал мне однажды,

луна исчезает раз в месяц,
потом нарождается снова,
и снова сияет на небе
на следующий день.

Я вот что скажу –
луне повезло там, на небе,

ведь здесь, на земле
ничего нового
нет.

Я стоял там,

стиснув челюсти так,
что чуть не стер
все зубы в порошок,

и смотрел на Шона,
а он лежал там,
как выброшенный хлам,

как старая койка,
перевязанная золотой цепью.
Эти ублюдки ее

не тронули.

Случайная мысль

Кровь стекает
по футболке и джинсам
в ботинки,
напоминая сладкий сироп
в свете уличных фонарей.

Но я-то понимаю,
кровь не может быть сладкой,
и она не похожа на сироп

ничуть.

В его руке

пакет
из магазина на углу

белый
с красными буквами

СПАСИБО
СПАСИБО
СПАСИБО
СПАСИБО
СПАСИБО
СПАСИБО
СПАСИБО

ЖЕЛАЕМ ХОРОШЕГО ДНЯ

А в пакете

специальное мыло
для мамы –

у нее экзема.

Я видел, как она
расчесывает руки

до крови.

Сдирает гнойные
волдыри

прочь.

И проклинает невидимое зло,
которое пытается ее

сожрать.

Может быть, существует нечто невидимое,

что пытается
сожрать

всех нас,
как будто

мы –
куски мяса.

Мясо

проходит тут, как будто высшего качества,
везде одни футболки громадных размеров
и вечно не глаженные.

Все это будто плохое наследство

из старого сундука или карта клада,
ведущая в никуда.

Кто-то явился за жизнью моего брата,
грубо выломав дверь и забрав
все, кроме золотой цепи.

Потом была желтая лента

с надписью НЕТ ПРОХОДА,
и не было другого пути,
как только вернуться домой.

Все знают, что такая лента
означает место убийства,
как будто мы ничего не поняли.

И толпа рассасывается
по своим домам и квартирам,
и тут остается одна только лента.

Шона кладут в мешок
и волокут, а на асфальте
тянется кровавый след,

вдобавок ко жвачкам,

похожим на звезды,
все это напоминает неведомый шедевр,

но уже завтра
тут будут играть дети
в свои детские игры.

Снова на восьмом этаже,

запершись у себя, я закрыл
подушкой голову, чтобы
приглушить стенания мамы.

Та сидела на кухне, рыдая
в ладони и только опускала их,
чтоб принять еще одну стопку.

Наступала короткая пауза,
и в эти моменты
я мог украдкой дышать.

Мне хотелось плакать,

и мне казалось,

будто кто-то другой
прячется внутри меня.

Его кулачки колотят
меня по глазам изнутри,
он лягает меня по горлу
в том месте,
где я глотаю.

Замри, шепчу я ему.
Крепись, шепчу я себе.

Потому что плач –
это против

Главных
Правил.

Правила

№ 1: Плач

Никогда,
несмотря ни на что,
не реви.

№ 2: Донос

Никогда,
несмотря ни на что,
не стучи.

№ 3: Месть

Если того, кого ты любишь,
убили,

найди того,
кто убил,
и убей его
сам.

Кто придумал эти правила

Конечно, это не

брат,
не его друзья,
не папа,
не мама, не парни с района,
не шпана и не шлюхи

и, определенно,
не я.

Еще кое-что о правилах

Их нельзя нарушать,
они сами для нарушителей,

следуй им.

Наша спальня: Желтый квадрат

Две кровати –
одна слева от двери,
другая справа.

Две тумбочки –
одна – перед кроватью, что слева от двери,

другая – перед кроватью, что справа.

Посреди – маленький телевизор.

Половина Шона была левая,
почти идеальная.

Моя – правая –
почти свиарник.

На стене Шона висели –
плакат Тупака,
плакат Бигги.

На моей стене –
корявая анаграмма, написанная моей рукой
карандашом, на случай если мама заставит

стереть ее:

ТОПОР = РОПОТ.

Анаграмма –

это когда ты берешь слово,
переставляешь буквы

и получаешь новое слово.

Иногда получается,
что слова как-то связаны.
Например: КАНОЕ = ОКЕАН.

Те же буквы,
другие слова,
но вместе они имеют
общий смысл,

как братья.

Средний ящик

В части комнаты Шона
он один выделялся,

как сломанный зуб
в идеальном ухоженном рту,
зажатый между
верхним – с рубашками,
сложенными аккуратно
одна на другую,
и нижним – с носками
и трусами с майками.

Он слетел с пазов
и застрял на своем месте.

Казалось, средний ящик
заело не случайно,
а чтобы мы с мамой его не трогали.

Там лежал пистолет.

Я не стану делать вид, будто Шон

был паинькой
и послушным мальчиком.

Таким правильным,
что всегда сообщал,
где он,
с кем он
и чем занимается.

Он был не таким.

Когда ему стукнуло
восемнадцать,
мама перестала его пасти

и начала молиться,

чтобы он не загремел за решетку,
и чтобы Летисия не залетела,

и чтобы он
не погиб.

Моя мама повторяла:

*Я знаю, ты молод,
у вас бывают разборки,
только помни, когда
ты бредишь в темноте,
убедись, что темнота
не бредет за тобой.*

Но Шон,
наверное,
был в наушниках.

И слушал Тупака или Бигги.

Поэтому зачастую

я ложился спать,
свернувшись
на своей кровати,
постепенно засыпая и
смотря на флаконы одеколона
на тумбочке Шона.

И застрявший в пазах средний ящик.

В полном одиночестве.

Но я никогда ничего не трогал,

поскольку не хотел
ненужных разборок
посреди ночи,

вот почему я не трогал
его вещей

никогда.

Раньше было по-другому.

Мне было двенадцать, шестнадцать – ему,
мы на ночь трепались, пока не вырубались.

Он мне говорил, как с телками мутит,
а я выдумывал девчонок своих.

И он делал вид, будто мне верит,
чтобы я стал по жизни уверенней.

А потом говорил мне про рэперов,
умерших кумиров, Тупака и Бигги,

их все обожают, потому что
мертвых всегда любят больше.

А когда мне было тринадцать,

Шон сказал мне, что я уже вырос,
и обрызгал своим одеколоном,
добавив, что моей девчонке,
моей первой девчонке,
понравится.

Но ей не понравилось,
и я ее бросил,
потому что

мне показалось,

что она
при этом противно фыркнула.

Шон считал, что

прикольно
и смешно
и забавно
шутить надо мной,
называя меня

Уильям,
и что я будто достоин
захвата за шею –
он считал это
братскими объятиями.

Теперь одеколон

останется
в его флаконах.

И я не стану больше
засыпать, ожидая,

что если я трону
хоть один флакон,
то сразу получу
по шее.

Но мне чудится: его рука
уже хватает меня за шею
и гнет голову,
стоит мне лишь подумать,

что я не буду больше засыпать
и думать о том,
что он

рано или поздно
придет домой, потому что
он уже не придет, и, наверное,
я должен любить его больше,

как будто он мой любимчик,

но это трудно,

потому что,

он был мне только брат, и уже тогда

был моим любимчиком.

Вдруг

наша комната

как будто

накренилась.

Раскололась.

Наполовину опустела.

Наполовину вымерзла.

И стало так странно

видеть

один ящик

посреди

нее.

Средний ящик звал меня,

он так странно смотрелся,
подавая мне знак, как будто
то, что было внутри него,
могло бы сразу все исправить.

Я дергал и тянул его,
хватался за него и тащил,
пока он не открылся,
пусть даже всего на дюйм.

Но этого хватило,
чтобы мои пальцы
скользнули внутрь и нащупали
холодную сталь.

Прозвище

Пушка.
Ремешок.
Кусок.

Печенька.
Горелка.
Печка.
Секач.
Шпалер.
Ствол.
Станок

для ПРАВИЛА № 3.

И тут я вспомнил Карлсона Риггса

Его на районе все знали
за его жуткие вопли,
он орал как сирена, но при этом

был милый, как его имя.

Говорили, что Риггс

много трепался, и все потому,
что был коротышкой, но я считаю,
это из-за того, что мать еще в детстве
отдала его учиться на акробата,

а если ты носишь трико
и умеешь ходить «колесом»,
то сумеешь и защитить себя

или говорить, что сумеешь.

Риггса и Шона считали друзьями, но

лучшее, что он сделал для Шона, –
научил его трюку «сальто с перекладины».

Худшее, что он сделал для Шона, –
он застрелил его.

Сальто с перекладины –

это когда ты висишь
вверх ногами
на перекладине
и раскачиваешься
вперед и назад
сильней и сильней,
пока не наступает
момент, и ты освобождаешь

ноги и летишь
с перекладины, надеясь
встать на ноги.

Все дело в расчете времени.

Если ты отпустишь
ноги слишком рано,
то приземлишься
лицом. Если
отпустишь ноги
слишком поздно, приземлишься
точно на спину.

Вот поэтому
нужно идеально все рассчитать,
чтобы все получилось.

Шон научил меня,

как все рассчитать идеально.

Если ты научишься
делать сальто с перекладины
или ходить «колесом»,
то ты уже король.

Шон мог и то и другое,
и поэтому его считали
королем на районе
я и Тони и
все наши друзья.

При этом он следил и за тем,
чтобы меня считали принцем.

Ну, если вы не в курсе...

Причины, по которым я думал (знал), что это Риггс убил Шона

№ 1: ТЕРРИТОРИЯ

Риггс переместился
в другую часть района,
где рулила без предела
банда Темное Солнце.

Он захотел примкнуть,
чтобы его не считали
пустозвоном,
а приняли к себе, и тогда

он приобрел бы стержень
внутри от ребят,
что только и ждут чужаков,
забредших на их территорию,

а находятся они
в девяти кварталах от нас,
и поблизости от того самого
магазина на углу,

где продается особое мыло,
за которым мама
послала Шона
позавчера.

№ 1.1: Тактика выживания (упрощенная)

Сам
уложи
кого –
нибудь

или

кто –
нибудь
уложит
тебя.

№ 2: Криминальные разборки

Я рос и вместе с мамой
видел их очень много.

И всегда знал, кто убил,
даже раньше полицейских.

Это как дар. Придумывать анаграммы
и раскрывать убийства.

№ 3:

Должен был быть.

Я никогда не держал в руках пистолет.

Никогда даже
не касался.

Он тяжелей,

чем я думал,

это как держать
новорожденного

только я знал,
что при этом

крик будет
гораздо,

гораздо, гораздо
громче.

Шум из коридора

Моя мама,
пошатываясь,
всхлипывая, бредет в ванную.

Шлепком ладони
я вырубаю свет,
погружаюсь в темноту,
кидаюсь на кровать,
запихнув ствол под подушку,
как выпавший зуб.

Сон

ушел от меня,
казалось,
на вечность,

спрятался так,
как сам я когда-то
скрывался от Шона,

но потом, наконец,
высунулся осторожно
из-под боли.

Я проснулся

утром
и попробовал вспомнить,
снилось ли мне
что-нибудь.

Кажется, нет,
и я сделал вид,

будто мне снился
Шон.

Мне стало полегче
заснуть
в ту ночь, когда его
убили.

Но я еще и чувствовал вину

за то, что проснулся,
за то, что дышу,

потягиваюсь,
зеваю и
лезу рукой

под
подушку.

Я обхватил пальцами

рукоятку, и они легли там,
где оставались его отпечатки,

получилось так,
словно младший брат
снова взял старшего за руку,

и он ведет меня в магазин,
учит меня делать
сальто с перекладины.

*Если ты отпустишь
ноги слишком рано,
то приземлишься
лицом. Если
отпустишь ноги
слишком поздно, приземлишься
точно на спину.
Вот поэтому
нужно идеально все рассчитать,
чтобы все получилось.*

В ванной

в зеркале
мое лицо осунулось,
словно горе
пыталось стянуть
с меня кожу.

Зомби.

Я спал
в одежде,
запах
смерти и пота
застрял в
ткани, как
рыбий жир.
Я вгляделся и
ощутил себя

дерьмом.

Ну и что.

Я сунул пушку

за пояс джинсов
сзади,
рукоятка торчала, как
хвост из стали.

Я прикрыл ее
своей здоровенной футболкой,

с фабричной маркой,
что досталась мне
от Шона.

План

был такой – выждать Риггса
перед его домом.

Мы часто ходили туда
с Шоном,
прежде чем Риггс стал бандитом,

а потом там бывал только Шон,
несколько раз,
он покупал мыло для мамы.

Я решил, что безопасней
будет пойти туда утром.
Тогда его команду я не встречу,

они еще не выйдут. И никто
меня не заподозрит. И я
позвоню ему, чтобы он спустился

и открыл дверь. И тогда я

натяну футболку на лицо,
закрою себе нос и рот

и сделаю это.

На кухне

солнечный луч ворвался
в окно, осветив маму. Она,
сгорбившись, спала за столом,
опустив голову на
свои красные распухшие руки.

Наверное, она чесала их
всю ночь, пытаясь избавиться
от чувства вины. Я хотел
разбудить ее и сказать, что она
не виновата. Но не стал.

Я просто вместе с пистолетом
за спиной осторожно вышел, не наступая
на особо скрипучие половицы,
чтобы не разбудить ее и
не врать о том, куда я иду.

И не разбить ее сердце навсегда.

Желтый свет

в коридоре и жужжание, такое,
как жужжат светлячки,
которых мы с Шоном
ловили
в детстве.

Мы совали их
в пустую баночку
из-под майонеза
по четыре или пять
за один раз.

Потом Шон туго
закручивал банку и
мы садились на лавку
и смотрели,
как они там летают
и сталкиваются,
пока их огоньки
один за другим
не потухали.

Возле лифта

Спина уже болит.
Мне неудобно.
Ствол мешает,
как будто кирпич
трется о кожу
с каждым шагом.

Казалось, время
замерло, когда я
протянул руку и
нажал на кнопку.

Белый огонек
высветил
черную стрелку.

ВНИЗ
ВНИЗ
ВНИЗ ВНИЗ ВНИЗ
ВНИЗ ВНИЗ
ВНИЗ

Вот что странного

происходит
в лифте.
В любом лифте.

Каждый раз,
когда кто-то входит в кабину,
он тут же проверяет,
горит ли кнопка
его этажа.
Если нет, он на нее нажимает
и начинает смотреть
на дверь.

Только так.

Никто не заговаривает
с теми,
кто уже стоит в кабине,
и те, в свою очередь,
не говорят с новыми
пассажирами.

Таковы правила
поездки в лифте,

как мне кажется.

Никто не разговаривает,
не смотрит друг на друга.
Все тихонько стоят,
уставившись на дверь,
и ждут.

09:08:02

И тут заходит парень,

определенно постарше меня,
но не очень. Коричневая кожа.
Худой. Короткая стрижка,
косой пробор.

Лицо гладкое,
даже без усов.

Вокруг шеи звенья
золотой цепочки,
как что-то волшебное.

Он проверил кнопки

и убедился, что
одна, с буквой «Л» горит.

Он тоже ехал вниз.

«Л» означает лузер

Шон и я,
еще мальчишками
встанем, бывало, в лифте
и ждем, пока кто-нибудь войдет
и нажмет на кнопку «Л», и тогда мы
начинали тихонько ржать, потому что
этот тип оказался лузером, а мы с Шоном – нет
в этой забавной поездке на лифте вниз, в лобби.
Об этом я и вспомнил, когда этот парень с золотой
цепочкой посмотрел, горит ли кнопка с буквой «Л».
Интересно, а он знал, что в нашем с Шоном мире я уже
был

лузером?

Очень некомфортно,

когда тебе
кажется,
что на тебя
смотрят,
но только
тогда,
когда ты сам
не смотришь.

Я видел девчонок

на остановках автобуса,
из-за которых мужики начинали
казаться жалкими существами,
они вытягивались, напрягались,
чтобы узреть то, что Шон
и остальные называли

миром.

Но тут, в лифте,
девчонок не было,
не на кого было пялиться.

Но он продолжал
пялиться,

не понимая,
что у него может
появиться
проблема.

09:08:04

Мы знакомы? –

спросил я,
буквально
взбесившись.

Парень улыбнулся
и поправил цепочку
на шее.

Заглянул мне
прямо в глаза и
очень серьезно.

Ты меня не узнаешь? –

спросил он
низким

знакомым голосом.

Я присмотрелся,
прищурился,
стараясь припомнить его.

He-a. He помню,

сказал я.

Он широко улыбнулся,
обнажая острые,
как у акулы, зубы.

Потом повернулся,
чтобы я увидел
его со спины.

Там, на футболке,
была напечатана фотка
его самого, сидящего
на корточках.
Он показывал средние пальцы
и улыбался.

PIP, БАК, ТЕБЯ ЗАПОМНЯТ
НАВСЕГДА¹

¹ Покойся с миром (англ.).

Внутри меня все сразу сжалось

и будто провалилось
вниз,

а может, то и другое вместе.
Я узнал его.

Бак?

Я неуверенно

шагнул назад.
Быть того не может.
Не может.

Так все и вышло, как написано? –

спросил он,

поворачиваясь ко мне лицом.
Быть того не может.
Не может.

Но я д-думал... –

запинаясь, произнес я.

Я думал... я думал...

Ты думал, что я умер,

сказал он,

вот так запросто.

Вот так запросто.

Я начал тереть глаза,

тер и тер их
снова и снова,

как в отключке.

Но я никогда не курил
травку или чего такого.

Не бывал в подобных компаниях,
не был торчком.

Ну, не мог мертвец

вот так просто

ГОВОРИТЬ СО МНОЙ.

ДА,

Так оно и было,

сказал я,
надеясь, что он
скажет, что не умер,
что его не убили
или

что-нибудь
в этом духе.

Или, может,
я проснусь,
сяду в кровати,
а пистолет
окажется под
подушкой,
а мама еще будет спать
за кухонным столом.

Это сон.

Бак посмотрел на меня,
замечая мое волнение, и
тихо произнес:

Так и есть.

Я сделал все, чтобы проснуться:

щипал себя
под мышкой,
давал себе
пощечины,
даже пытался
проморгаться.

Моргал,
моргал,
моргал,

но

Бак был на месте.

Я знаю, о чем ты думаешь.

Что я испугался
смерти
насмерть.

Но только бояться не надо.

Я знал Бака
с детства,
он был единственный
друг Шона, старше его.

Шон знал Бака
лучше, чем я,
и был знаком с ним дольше,
чем мы с нашим отцом.

Я отпрянул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.